

DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06
УДК 327

ИДЕЙНО-ЦЕННОСТНЫЙ ЛАНДШАФТ ПОСТБИПОЛЯРНОЙ ЭПОХИ: РОССИЯ, «ВОСТОК» И ЗАПАД

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ Василий Дмитриевич

научный сотрудник Отдела Ближнего
и Постсоветского Востока Института научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

SPIN-код: 7086-1217

ORCID: 0000-0001-5937-8786

Для цитирования: *Останин-Головня В.Д.* Идеино-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: Россия, «Восток» и Запад // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 4 (4). – С. 102–114. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

Аннотация. Статья предлагает концептуальный анализ идейно-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи с позиций политической аксиологии. Развитие систем международных отношений рассматривается с точки зрения развития общественно-политической мысли и ценностных ориентиров основных акторов мировой политики. Особое внимание уделяется современному положению дихотомии «Восток–Запад» в концептуальном пространстве западного политического дискурса, критическому анализу универсалистских концепций, а также соотношению концепции «многополярного мира» с культурно-историческим релятивизмом и цивилизационным разнообразием народов мира.

Ключевые слова: Россия, Восток, Запад, дихотомия «Восток–Запад», политическая аксиология, идейно-ценностный фактор, постбиполярная эпоха, многополярный мир, полицентричный миропорядок.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 123091200078-3 «Россия и Незапад в условиях трансформации идейно-ценностной конфигурации мирового порядка» в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Ideological and Value Landscape of the Post-Bipolar Era: Russia, East and West

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA

Research Fellow of the Department of Middle
and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information
for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru

SPIN-code: 7086-1217

ORCID: 0000-0001-5937-8786

For citation: Ostanin-Golovnya V.D. (2023). Ideological and Value Landscape of the Post-Bipolar Era: Russia, East and West. *Middle & Post-Soviet East*, no. 4 (4), pp. 102–114. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.04.06.

Abstract. The article offers a conceptual analysis of the ideological and value landscape of the post-bipolar era from the standpoint of political axiology. The development of international relations systems is considered from the point of view of the development of socio-political thought and value orientations of the main actors of world politics. Particular attention is paid to the current position of the East–West dichotomy in the conceptual space of Western political discourse, the critical analysis of universalist concepts, as well as the correlation of the concept of a “multipolar world” with cultural and historical relativism and the civilizational diversity of the peoples of the world.

Keywords: Russia, East, West, East–West dichotomy, political axiology, ideological-value factor, post-bipolar era, multipolar world, polycentric world order.

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project No. 123091200078-3 “Russia and the Non-West in conditions of transformation of ideological and value configuration of world order” at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

В современной мировой политике, как верно заметил в одной из своих книг глава Министерства иностранных дел России С.В. Лавров, «конкуренция все больше приобретает цивилизационное измерение, форму соперничества ценностей и моделей раз-

вития»¹. Данные тенденции являются следствием не только разбалансировки сил и интересов на глобальной арене, но и тех трансформаций, что произошли с идейно-ценностным ландшафтом мировой политики с началом постбиполярной эпохи.

Контурсы идейно-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи

С точки зрения конструктивизма и политической аксиологии, конфигурация системы международных отношений во многом зависит от того концептуального пространства, в котором определяются ее базовые установки и фундаментальные принципы. «Политический язык» основных акторов здесь выполняет, по сути, ту же функцию, что и внутри отдельных государств, т.е. выступает в качестве инструмента «выработки, принятия и обоснования» конкретных решений². При этом одними из базовых семантических единиц институционального и неинституционального дискурса мировой политики являются разного рода идеологемы, аксиологический модус (*положительный, отрицательный или смешанный*)³ которых прямо зависит как от культурно-исторической и этноконфессиональной специфики конкретного актора, так и от глобального геополитического контекста.

На протяжении нескольких веков идейно-ценностный ландшафт мировой политики развивался в рамках европоцентричной парадигмы, так как ведущая роль при формировании Вестфальской, Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем международных отношений принадлежала государствам Запада. Прочие же страны, за исключением Османской империи и России, либо оставались на периферии данного процесса, либо находились в прямой колониальной зависимости от европейских метрополий. Выражаясь иначе, «политический язык» международных отношений изначально формировался акторами,

¹ Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – М.: Книжный мир, 2017. – С. 467.

² Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – С. 15.

³ Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 37.

которые, несмотря на разные дискурсивные позиции и возникающие конфликты интересов, находились в общем идейно-ценностном ландшафте. Несмотря на противоречия национальных мифов и антагонистичность политических теорий, зародившихся в середине XIX – начале XX в., в западном концептуальном пространстве постепенно формировалась характерная модель развития, которая в своих ранних итерациях частично насаждалась странам Азии и Африки в рамках вестернизации колониального периода⁴.

Своеобразным апофеозом развития западной общественно-политической мысли Нового времени стал XX в., который также зачастую называют «веком идеологий». По окончании Второй мировой войны и с началом глобальной конфронтации СССР и США абсолютными доминантами идейно-ценностного ландшафта мировой политики, после совместной победы над национал-социализмом и фашизмом, стали две модели – западная (либеральная) демократия и народная (социалистическая) демократия⁵. Обе сверхдержавы, обладавшие колоссальным экономическим и военным потенциалом, на протяжении всей «холодной войны» являлись центрами притяжения для остальных стран не только в геополитическом смысле, но и в рамках идеологической ориентации. Даже среди государств-членов созданного в 1961 г. Движения неприсоединения, вопреки провозглашенным Иосифом Брозом Тито, Гамалем Абдель Насером и Джавахарлалом Неру принципам, большая часть в определенные периоды склонялась к одному из двух полюсов глобальной конфронтации⁶.

Вместе с тем важно отметить, что, с точки зрения исторического аспекта идейно-ценностного подхода, транслируемые СССР и США модели были результатом развития западной общественно-политической парадигмы, где базовые расхождения проявлялись

⁴ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 117.

⁵ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 73.

⁶ Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 13.

на уровне индивидуалистического либерального и коллективистского марксистского дискурсов. Большинство стран не-Запада, несмотря на вынужденную близость к одному из полюсов Холодной войны, не могли полностью воспринять, в силу своей культурно-исторической специфики, предлагаемые модели⁷. В некоторых случаях это приводило к возникновению в идейно-ценностном ландшафте афро-азиатского пространства таких оригинальных концепций, как *маоизм* в Китае, *чучхе* в КНДР, *баасизм* в Сирии и Ираке, *насеризм* в Египте, «*третья всемирная теория*» в Ливии и т.д. Отличительной чертой данных идеологий можно назвать адаптацию ряда западных идей к традиционным для перечисленных стран политическим практикам и ценностям. Выражаясь иначе, заимствованные идеологемы в «политическом языке» не-Запада получали собственное аксиологическое обоснование, что позволяло выстраивать собственный нарратив в рамках уже сложившегося концептуального пространства международных отношений.

Так или иначе, завершение Холодной войны после распада СССР в 1991 г. многими современниками данных процессов было расценено как конец «века идеологий». В евро-атлантическом сообществе конца 1980-х – начала 1990-х годов рациональное восприятие объективной международной реальности зачастую уступало место неоправданному триумфализму, связанному прежде всего с исчезновением сверхдержавы-антагониста и фактическим провалом марксистско-социалистического глобального проекта⁸. Классическим примером здесь является выдвинутый Фрэнсисом Фукуямой через серию эссе и книгу 1989–1992 гг. тезис о «конце истории», согласно которому победа Запада в Холодной войне приведет к глобальному распространению либерально-демократической модели развития, что, по мнению автора, должно было свидетельствовать о «конечной точке социокультурной эволюции человечества»⁹. Однако, вопреки ожиданиям западных триумфа-

⁷ Pye Lucian W. The Non-Western Political Process // The Journal of Politics. – 1958. – Vol. 20, N 3. – P. 468–486.

⁸ Narine S. The End of Western Triumphalism and the Return of the Sovereign State // FULCRUM. – 24.02.2021. – URL: <https://fulcrum.sg/the-end-of-western-triumphalism-and-the-return-of-the-sovereign-state/> (дата обращения: 15.10.2023).

⁹ Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 2006. – 464 p.

листов, унификации идейно-ценностного ландшафта мировой политики не произошло. Наоборот, в концептуальное пространство международных отношений стало отходить от дискурса, выстроенного вокруг западных идеологий, на фоне возросшего влияния этноконфессионального фактора¹⁰.

При этом насаждение «универсальной» либерально-демократической модели и присущих ей ценностей в рамках западочентричной глобализации обществам не-Западного культурно-исторического типа привело отнюдь не к гармонизации международных отношений, а вызвало обострение этнических и конфессиональных вопросов в целом ряде регионов и, особенно, на афро-азиатском пространстве. Одним из первых на актуализацию цивилизационного фактора на мировой арене в постбиполярную эпоху обратил американский политолог Самюэль Хантингтон. Среди основных тезисов его знаменитой книги 1996 г. было утверждение, согласно которому убежденность Запада в универсальности его ценностей и политических моделей является «наивным заблуждением», а дальнейшее развитие выстроенной вокруг них системы международных отношений будет лишь обострять культурно-исторические противоречия, что, в свою очередь, приведет к тому самому «столкновению цивилизаций» на уровне полномасштабных межгосударственных конфликтов¹¹. Конечно, многие представители академического сообщества справедливо критикуют аргументацию, выводы и прогнозы Хантингтона, но в целом американский политолог верно указал основные тенденции трансформации идейно-ценностного ландшафта в постбиполярный период, где по завершении Холодной войны ведущая роль должна перейти от политических идеологий к идентичностям, в основе которых лежат этнические культуры и религии¹².

¹⁰ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 74.

¹¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2021. – С. 29–30.

¹² Там же. С. 15.

Дихотомия «Восток–Запад» в мировой политике

Конечно, в рамках дискурса о культурно-исторических типах (или цивилизациях), границы каждой общности являются сложным вопросом. Границы той же Европы – исторического ядра Запада – носят, как отметил в своей работе Талал Асад, «символический характер», но, с точки зрения мировой политики, они вписаны «в договоры в соответствии с конвенциями международного права – совокупный результат более ранних нарративов о Европе», и, более того, «статус отдельных границ, а также сам институт международного права, который регулирует сегодняшнее мировое сообщество национальных государств, опираются на нарративы о Европе»¹³.

В контексте мировой политики хорошим подтверждением слов Т. Асада является мировоззренческая дихотомия, выстроенная на противопоставлении Западу такой категории, как «Восток». В отличие от Запада, собирательный «Восток» возник на основе не собственных, а западных нарративов, в рамках которых европейскому культурно-историческому пространству противопоставлялись различные цивилизационные кластеры афро-азиатского пространства. Под определенным ракурсом проблематику дихотомии «Восток–Запад» в контексте международных отношений можно описать, с позиций теории социальной идентичности польско-британского исследователя Анри Тэшфеля, как «когнитивный инструмент» западной общественной мысли, созданный для «сегментации, классификации и упорядочивания социальной среды» с целью «осуществления определенных форм социальных действий», что на уровне макрополитических процессов зачастую приводит к «коллективному нарциссизму», проявляющемуся в «компенсирующей агрессии»¹⁴.

Более образно проблематику образа «Востока» в сознании Запада рассматривал Эдвард Вади Саид в своей небесспорной

¹³ Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафронова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – С. 252.

¹⁴ Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / J.T. Jost & J. Sidanius (Eds.). – U.K.: Psychology Press. – P. 276–293.

книге «Ориентализм» 1978 г.¹⁵ Основное внимание палестино-американский литературовед уделил эпохе колониализма, в связи с чем его критику ориентализма как научной дисциплины, являющейся «имперской традицией», справедливо критиковали многие востоковеды. Однако его концепция «воображаемых географий», согласно которой восприятие «Востока» («Orient») в качестве территории, не способной к самостоятельному управлению, при анализе идейно-ценностного ландшафта постбиполярной эпохи сохраняет свою актуальность на уровне описательного инструмента, так как современное насаждение либерально-демократической модели развития в рамках глобализации с исторической точки зрения является своеобразным продолжением процесса колониальной вестернизации середины XVII – рубежа XIX–XX вв.¹⁶

При этом, если в указанный период ведущая роль в вестернизации принадлежала Англии и Франции, которые были крупнейшими метрополиями, владевшими большей частью афро-азиатского пространства, но в постбиполярную эпоху ядром глобализации стало так называемое «евро-атлантическое сообщество» во главе с США, занявшими позицию его политического лидера на фоне трансформаций середины XX в.¹⁷ Также следует отметить, что в рамках дискурса об идейно-ценностном факторе в мировой политике особое место на институциональном и концептуальном уровнях здесь занимает блок НАТО, который стал практическим воплощением «коллективного Запада», о чем прямо свидетельствует военно-политический характер организации. Ещё в 1996 г. С. Хантингтон писал, что в постбиполярную эпоху именно Североатлантический альянс станет центральным элементом «кристаллизации общезападного культурного ядра», сформированного

¹⁵ Said E. *Orientalism*. – London: Penguin Modern Classics, 2019. – 405 p.

¹⁶ Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. – 2013. – № 1 (1637). – URL: <http://www.svom.info/entry/313-qwert/> (дата обращения: 15.10.2023).

¹⁷ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 119.

вокруг либерально-демократической системы ценностей и сопутствующих ей политических идей¹⁸.

«Восток» же на геополитической арене современного мира не способен составить конкуренцию «коллективному Западу», так как любые попытки формирования единой концептуальной платформы сталкиваются с цивилизационным разнообразием и культурно-исторической самобытностью государств афро-азиатского пространства. На практике это иллюстрируется тем, что «Восток», в отличие от «коллективного Запада», представлен не одним военно-политическим блоком, а целым множеством региональных и международных организаций (Африканский союз, ЛАГ, Организация тюркских государств, АСЕАН, ССАГПЗ и т.д.), репрезентирующих различные этноконфессиональные ареалы, которые, как совершенно точно отметил Д.В. Стрельцов, «нередко накладываются друг на друга в рамках одного региона и даже одной страны»¹⁹.

Положение дел здесь также усугубляется нарушением права на суверенитет целого ряда государств не-Запада со стороны евро-атлантического сообщества, перешедшего по окончании Холодной войны от сдерживания социалистического блока к распространению собственной модели развития, что на уровне «политического языка» Запада имеет два обоснования в виде таких семантических единиц, как «*миротворчество*» (для обоснования участия в конфликтах за пределами стратегической ответственности НАТО²⁰) и «*защита демократии*» (для вмешательства во внутренние дела независимых стран). Можно сказать, что именно эти предлоги служат инструментом продвижения геополитических интересов «коллективного Запада» и сохранения его доминирующего положения на уровне концептуального пространства международных отношений.

Позиционирование аксиологического обоснования западной модели развития в качестве «универсальной» и «общечелове-

¹⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2021. – С. 550–551.

¹⁹ Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – С. 5.

²⁰ Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель-Observer. – 2019. – № 11 (358). – С. 27–28.

ской» ведет отнюдь не к гармонизации идейно-ценностного ландшафта мировой политики, а, наоборот, к его деформации, возникновению новых и усугублению старых конфликтов. При этом многие сторонники глобалистского подхода к развитию системы международных отношений выдают унификацию социально-политических систем и навязывание единого «политического языка» за прогресс, хотя истинный процесс развития, как отмечал выдающийся русский мыслитель К.Н. Леонтьев, проявляется в «постепенном восхождении от простейшего к сложнейшему», в не в «смесительном упрощении»²¹. Выражаясь образно, можно сказать, что ошибку Ф. Фукуямы относительно «конца истории» и финального пункта идеологической эволюции человечества в лице либеральной демократии признал только сам Ф. Фукуяма²², в то время как политическое руководство евро-атлантического сообщества, судя по проводимому курсу, продолжает следовать логикам западного триумфализма конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Россия и многополярный (полицентричный) миропорядок

«Восток», несмотря на принятие материально-технического аспекта вестернизации, очень остро реагирует на попытки навязать ему какие-либо «универсальные» ценности, особенно если они противоречат традиционному укладу. Внешнее воздействие со стороны недавних метрополий откликается в государствах афро-азиатского мира гулким эхом колониального прошлого. Для многих восточных стран независимый статус является формальностью, так как им зачастую не хватает ресурсов и политического влияния, чтобы противостоять вмешательству Запада во внутренние дела. Однако в любом правиле имеются исключения.

Тенденция к избавлению от колониальной инерции, кристаллизации идентичности и укреплению суверенитета четко прослеживается в политическом курсе некоторых государств «Востока». За последние десятилетия сформировалось несколько

²¹ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – С. 61.

²² Lieven A. The Two Fukuyamas // The National Interest. – 01.06.2006. – URL: <https://nationalinterest.org/bookreview/the-two-fukuyamas-363?nopaging=1> (дата обращения: 15.10.2023).

региональных «тяжеловесов», среди которых можно выделить Китай, Индию, Иран, Турцию и Саудовскую Аравию. Каждый из этих акторов на современном этапе обладает не только достаточным количеством экономических и политических ресурсов для влияния на региональные процессы, но и собственным набором ценностей и видением мира, чтобы заявлять о себе в качестве новых центров силы на глобальном уровне²³. Так называемая «ориентализация», в данном контексте, является ответной реакцией на навязывание западной модели развития с присущими ей ценностями и культурой. Укрепление экономического потенциала и политического авторитета дает восточным акторам возможность выйти из фарватера глобалистских либерально-демократических логик и предложить собственную альтернативу более справедливого, на их взгляд, устройства мира.

На текущем этапе трансформаций международных отношений все большую актуальность обретает концепция «многополярного мира», которая последовательно продвигается во внешнеполитическом курсе Российской Федерации, начиная с 2008 г.²⁴ Для России как для многонационального и многоконфессионального государства формирование «многополярного мира», в котором в равной степени представлены все народы, культуры и традиции, является крайне важным процессом в контексте поиска собственной идентичности и образа будущего в постсоветский период. Именно поэтому сегодня, как никогда прежде, актуален тезис о том, что внешняя политика является продолжением внутренней. Самобытный «Восток» для современной России – отражение ее собственного разнообразия, образующего «цветущую сложность», в которой «увеличение богатства внутреннего» ведет к «постепенному укреплению единства»²⁵. И главным условием здесь будет

²³ Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идеино-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 120.

²⁴ Бобров А., Лебедева О. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира // РСМД. – 03.05.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolynarnogo-mira/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – С. 62.

поиск новых идей и смыслов, формирующих прочный фундамент дальнейшего развития.

При этом построение полицентричного миропорядка без коренных изменений существующего идейно-ценностного ландшафта глобальной политики практически невозможно, так как, с точки зрения аксиологического подхода, для создания более справедливой системы концептуальное пространство мировой политики должно отойти от универсалистских интенций в сторону культурно-исторического релятивизма, который будет учитывать ценностный плюрализм и цивилизационное разнообразие мира, так как «идеологическое противоборство никогда не закончится, но осознание ценностей будет усиливаться, а баланс будет достигаться за счет компромиссов»²⁶.

Список источников и литературы

1. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия «Восток–Запад». Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.
2. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Идейно-ценностный ландшафт постбиполярной эпохи: этноконфессиональный фактор и проблема экстремизма // Вестник Российской нации. – 2022. – № 6 (88). – С. 72–78.
3. Асад Т. Возникновение секулярного: христианство, ислам, модерность / пер. с англ. Р. Сафронова. – М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 376 с.
4. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. – М.: Знание, 1991. – 63 с.
5. Бобров А., Лебедева О. Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира // РСМД. – 03.05.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Гранин Ю.Д. «Глобализация» или «вестернизация»? // Свободная мысль. – 2013. – № 1 (1637). – URL: <http://www.svom.info/entry/313-qwert/> (дата обращения: 15.10.2023).

²⁶ Ключевые тезисы из речи Путина на Валдайском форуме // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/putin-1900586407.html> (дата обращения: 15.10.2023).

7. Ключевые тезисы из речи Путина на Валдайском форуме // РИА Новости. – 05.10.2023. – URL: <https://ria.ru/20231005/putin-1900586407.html> (дата обращения: 15.10.2023).
8. Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. – М.: Книжный мир, 2017. – 530 с.
9. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М.: Академический проект, 2017. – 503 с.
10. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 32–40.
11. Павлов И.И. Историко-теоретическое обоснование Движения неприсоединения // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 2 (29). – С. 12–17.
12. Политика безопасности стран современного Востока / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2021. – 280 с.
13. Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обзор-атель-Observer. – 2019. – № 11 (358). – С. 27–38.
14. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. – М.: АСТ, 2021. – 640 с.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. – New York: Free Press, 2006. – 464 p.
16. Lieven A. The Two Fukuyamas // The National Interest. – 01.06.2006. – URL: <https://nationalinterest.org/bookreview/the-two-fukuyamas-363?nopaging=1> (дата обращения: 15.10.2023).
17. Narine S. The End of Western Triumphalism and the Return of the Sovereign State // FULCRUM. – 24.02.2021. – URL: <https://fulcrum.sg/the-end-of-western-triumphalism-and-the-return-of-the-sovereign-state/> (дата обращения: 15.10.2023).
18. Pye Lucian W. The Non-Western Political Process // The Journal of Politics. – 1958. – Vol. 20, N 3. – P. 468–486.
19. Said E. Orientalism. – London: Penguin Modern Classics, 2019. – 405 p.
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Political psychology: Key readings / J.T. Jost & J. Sidanius (Eds.). – U.K.: Psychology Press. – P. 276–293.